

Язык и история культуры

УДК 151.81+81

Мосенкис Ю. Л., Якименко Н. В.

МАГИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ САКРАЛЬНОГО ПРАВА В СВЕТЕ ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

Прослежена связь морально-правовых понятий в древних обществах с архаическим мышлением, магическими ритуалами и магическими следствиями.

Ключевые слова: мифологическое мировоззрение, миф, магический ритуал, всемирный закон, право.

Как известно, человек с древнейших этапов своего существования отличался **мифологическим мировоззрением**, о чем свидетельствуют многие проявления первобытной культуры — от неандертальских захоронений до вершин палеолитического искусства. Разнообразные верования в сверхъестественные силы относятся к числу важнейших культурных отличий человека от животного (наряду с орудиями труда, огнем и речью). Мощный пласт такого мироощущения сохранился и в наше время, о чем свидетельствуют и политика, и реклама, и журналистика, и многие другие области деятельности *homo informaticus* — «человека информационного». Роли мифологии в современном обществе посвящены исследования проф Н. В. Слухай и ее научной школы.

Независимо от длительного спора вокруг тезиса Л. Леви-Брюля о первобытном мышлении как «дологическом», «прелогическом», «пралогическом» (ср. поддержку этого тезиса акад. Н. Я. Марром и его критику А. А. Леонтьевым, а также исследование Я. Э. Голосовкера о «логике мифа»), необходимо признать, что мир мифа — это прежде всего мир ощущений и ассоциаций, а не логического мышления, суждений и умозаключений. Мировоззрение ребенка, отождествляющего (не только в восприятии, но и в наименовании) солнце и лампу, мяч и арбуз, очень во многом напоминает нам специфику мировосприятия человека каменного века. Не случайно детская речь издавна является одним из важнейших источников реконструктивного изучения как звуковой формы, так и смыслового содержания предполагаемых древнейших состояний человеческого языка.

Если восприятие мира у носителя архаической традиционной культуры мифологично, то его действия отличаются **магичностью**. Исследователи магии вполне справедливо подчеркивают ее отличие от религии как более древнего этапа развития верований от более позднего. В эпоху религии человек поклоняется богам, боится их, умоливает и умоляет. Посредником между миром людей и миром божеств выступает священник, жрец, совершающий обряды с целью задобрить высшие силы, причем не только сами люди, но и жрец воспринимают себя как существ, стоящих по своим возможностям намного ниже существ божественных. В эпоху же магии основной идеологией является не поклонение сверхъестественным силам, а своего рода волшебное соревнование с ними. Посредником выступает колдун, шаман, который рассматривает себя почти как равного божественным существам, а иногда и как их повелителя (тогда мифологические существа выступают как «духи-помощники» шамана). Колдун угрожает божествам, требует от них выполнения нужных ему и другим членам общины действий, стремится с помощью заклинаний, жертв и других волшебных деяний управлять сверхъестественными силами. Вне сомнения, реликты магии сохраняются в большом количестве и в религиозную эпоху (известны многочисленные случаи осквернения и даже уничтожения религиозных символов в случае бедствий), но они в целом не являются определяющими.

Когда в архаическом обществе главным колдуном нередко выступает правитель, то это свидетельствует о сохранении значительного слоя магического этапа мировосприятия: правитель богоподобен, равен богам в своей сверхъестественной силе (ср. представления о японском императоре, королях Таиланда и Камбоджи, а в древние времена — о египетском фараоне, древнекритских царях, царях Рима, китайских императорах, инкских правителях и др.).

Борьба с колдовством зафиксирована многочисленными текстовыми памятниками (в

том числе и законодательными) не только для европейского средневековья, как это может показаться на первый взгляд, но и для античности (сохранилась оправдательная речь древнеримского писателя Апулей в ответ на обвинения в магических действиях) и даже для Древнего Востока (где обвинение в колдовстве было одним из самых страшных).

Это была борьба религии (которая в упорядоченном и текстуально кодифицированном виде была опорой государства) с более древней магией (связанной с гораздо большей ролью отдельной личности шамана, чем в священника в религии, и поэтому опасной для государства своей непредсказуемостью).

Итак, в основе архаического мышления лежат мифологическое ощущение мира и магическое восприятие действия. Реальному действию предшествует магическое, которое при том считается более важным (например, ритуал магической охоты перед фактической охотой). К этому следует добавить **цикличность** восприятия событий в природе и жизни человека, а соответственно — и времени как такового. Архаическому сознанию не свойственно линейное ощущение времени и осознание истории как последовательной цепи событий (ср. соображения А. Тойнби, К. Ясперса, О. Шпенглера, Л. Н. Гумилева и др. о восприятии истории в разные периоды существования человеческой культуры). Наоборот, яркими иллюстрациями древнего мировоззрения являются ежедневные наблюдения за движением солнца и календарные обряды годового цикла. Как известно, у многих народов не только жрецы наблюдали за светилами, но и простые общинники регулярно встречали солнце утром, славили его в полдень и провожали вечером (наиболее ярко и детализировано солнечный культ развился в Древнем Египте и в той или иной степени повлиял на большую часть территории Евразии: египетские по происхождению изображения «солнечных ладей» находят от Скандинавии до Амура).

Календарные обряды самым непосредственным образом привязаны к годовому движению солнца и луны и к сезонным изменениям в природе (подчеркнем: речь идет и о времени задолго до возникновения сельского хозяйства). Человек воспринимал утро и весну как символы возрождения, обновления, которое повторяется регулярно и вечно. «Солнце новое ежедневно», — говорил Гераклит, повторяя древнеегипетское культовое выражение. Вполне возможно, что индоевропейские корни *ves-* «весна» и *aus-* «утро, утренняя звезда» родственны между собой, так как утро дня и утро года ассоциировались и даже по-своему отождествлялись (ср. древнекритское представление о том, что солнцебог Талос обегает остров трижды в день и трижды в год — отражение древнеегипетского представления о трех частях дня и трех сезонах года; общность представлений о дне и годе сопоставима со свидетельствами доисторических каменных астрономических сооружений о том, что уже в древности было известно понятие фрактала).

Не случайно царская власть во многих древних государствах (Египет, Крит, Хеттское царство, Китай, Япония, империя инков) воспринималась как находящаяся под непосредственным покровительством и прямым руководством солнечных божеств. Считалось, что египетский фараон, умирая, сливался со своим божественным отцом — солнцем; супруга критского царя считалась дочерью солнечного бога Гелиоса, а петух как символ солнца был гербом критских царей; хеттский царь называл себя «мое солнце»; китайский император, и только он, носил желтые одежды; японские императоры унаследовали священные символы своей власти (среди них главный — символизирующее солнце шаманское зеркало) от божественной прародительницы императорской династии Аматерасу (имя которой означает «сияющая на небе», то есть опять-таки солнце). Солнце было символом вечного возрождения, а следовательно — бессмертия. Древнеегипетский рай находился, как считалось, в той розовой полосе, которая видна на небе при касании солнцем горизонта (египетское название рая *duat* близко к греческому *dysis* «закат солнца»). Наконец, форма пирамиды, как экспериментально доказано с помощью специальных съемок, имитирует расходящиеся лучи солнца низко над горизонтом.

Вечное повторение движения солнца вызвало восприятие светила как символа неизменного всемирного **закона** (вспомним египетские, хеттские, греческие, иранские и даже американские индейские гимны солнцу).

Известно, что во многих мифологических системах (греческой, кельтской, хурритской, шумерской, аккадской) речь шла о смене поколений богов, причем чем более древними были божества, тем более страшными и далекими от неба и света они казались. В целом, согласно мифологическим генеалогиям, наблюдалась смена «хтонических» (земных и подземных — от

греческого слова *khthon* «земля») божеств божествами «олимпийскими — небесными, светлыми, солнечными (подробнее см. в работах А. Ф. Лосева). Важно подчеркнуть, что традиционные **морально-правовые понятия** систематизировались уже в эпоху «светлых» богов, тогда как в эпоху богов «хтонических» люди еще воспринимали и себя, и самих богов как находящиеся, говоря словами Ф. Ницше, «по ту сторону добра и зла». Именно поэтому в более поздних, четко оформившихся мифологических системах символами **закона, порядка** выступают Небо, Солнце, Громовержец, карающие виновных, а более архаические божества (Змей-Дракон, Великая Мать) воспринимаются как воплощение беспорядка, хаоса (по словам известного фольклориста Я. В. Чеснова — «метафора внешнего мира», неупорядоченного и непредсказуемого), противостоящего порядку, космосу.

Однако иногда мы наблюдаем и случаи, не подпадающие под эту закономерность, так как мифология каждого народа состоит из множества разновременных, а нередко и гетерогенных компонентов. Так, например, славянская *Купала* (по происхождению — глубоко архаический и даже «архетипический» образ Великой Матери, повелительницы дикой природы) связана с такими образами света, как солнце и огонь, она вместе с Колядой воплощает годичный цикл, подпитываемый соответствующими обрядами в день летнего солнцестояния (начиная с дня Купалы солнце начинает снижаться на небе и уменьшаться в силе тепла, что требовало, как считалось, обрядовой «подкачки»).

Тяга человека к светилам и самому небу как культовым объектам объясняется не только важностью тепла для жизни и звезд для ориентации: первобытный человек, подверженный стрессу со всех сторон из-за постоянного ощущения нестабильности, угрозы «дикого хаоса» (непознанной природы), искал психологической опоры и для своих чувств, и для своего сознания. Такую опору он находил в небе — вспомним «вечное голубое Небо» как главное божество тюркской мифологии¹, образ каменного небосвода у индоевропейцев и в Библии, наконец, японский образ императорского трона, «вечного как Небо и Земля», и несменяемой правящей династии. Не случайно германское обозначение камня (немецк. *Stein*, английск. *stone*) не раз сопоставляли, с одной стороны, с обозначением звезд (немецк. *Stern*, английск. *star*), а с другой стороны — с индоевропейским глагольным корнем *st-* «стоять» (эти корни, по всей вероятности, не родственны между собой, но вполне могли ассоциироваться в архаическом мифологическом сознании, которое воспринимало всякое созвучие не как случайное явление, а как свидетельство магической связи²).

Если небо воспринималось как неизменное («твердь»), то солнце — как символ постоянно повторяющегося движения и даже ежедневного рождения (в частности, в восприятии древних египтян и Гераклита, учение которого впитало некоторые египетские и иранские, а именно зороастрийские, черты). Но древнее сознание не противопоставляло небо и солнце, а скорее объединяло их. Так, есть основания предполагать, что корни, обозначающие в праиндоевропейском языке небо (**t'ev-* > *dev-*) и солнце (*sav-el-*, тот же корень, но с другим уменьшительным суффиксом — в хурритском названии божества солнца *Шав-ушк-а*) родственны между собой.

Нарождающееся **право** сначала, как и другие области человеческой жизни, неотделимо от мифологии и ритуала, а с другой стороны — воедино слитое с нарождающейся моралью. Между ранней моралью и неписанным «обычным» правом очень трудно провести сколь-нибудь четкую грань. Ритуал же выступает магическим средством упорядочения мира, превращения хаоса в космос (см. исследования В. М. Топорова и В. Тернера о семантике ритуала). Как известно, многие проявления человеческой культуры — например, театр, защита диссертации, суд — восходят в конечном счете именно к первобытному ритуалу. Ощущения человека, участвующего в коллективном действе, непередаваемы и неповторимы — это, с одной стороны, высвобождение энергии, с другой — эмоциональное слияние с коллективом. Через ритуал

¹ Этот образ очень древний: тюркское название божественного неба *kök* сопоставимо с эламо-касситским названием неба *da-gigi*, где *da-* — так называемый классный показатель, характеризующий отношение названия предмета к определенной тематической группе (нечто отдаленно напоминающее грамматический род в славянских и других индоевропейских языках).

² Древние египтяне считали атрибутом того или иного бога прежде всего то животное, название которого хоть отдаленно близко к имени этого бога.

— именно ощущения, возникающие при его осуществлении — передается чувственная информация, мистическое переживание. Хорошо известно, что в ответ на вопрос христианского священника о сущности японской народной («языческой») религии синто жрец этой религии ответил: «А мы танцуем». Поэтому одной из главных категорий названной религии является понятие *мацури* «праздник».

Как обычно, много ценных сведений о первобытных представлениях дает и каждый отдельный язык, и сравнительно-историческое исследование языков. Так, например, многоговорящим является родство латинских слов *ritus* «обряд», *ritualis* «обрядовый» с древнеиндийским словом *rta* (читается [*rita*]) «всемирный закон, которому подчиняются люди и боги». Для исследования восприятия древними греками противопоставления хаоса как порядка и космоса как беспорядка важно учитывать первоначальное значение соответствующих слов. *Хаос* — «зияние» как первоначальная бездна, родственное слово — *Харибда* в «Одиссее» (ср. также первобытное морское чудовище *Tuamat* в аккадской мифологии, имя которого родственно библейскому обозначению морской бездны *tehom*). *Космос* — «порядок», но одновременно и «украшение»: фактическая гармония для древнего грека неотделима от эстетического ее восприятия.

Таким образом, человек ощущал стабилизацию своей жизни, мыслей и чувств при наблюдении вечного неба, неизменно движущегося солнца и при ощущении ритуала, ритмизирующего и сакрализирующего повседневную жизнь.

К магическому ритуалу в конечном счете восходит и процедура следствия в случае совершения преступления. Если охоте предшествовал ритуал магической охоты, а браку — ритуал сакрального рака, то не удивительно, что и следственные действия в архаическом обществе не обходились без магии.

Современному человеку, специально не занимающемуся этнографией традиционных культур, даже трудно себе представить весь спектр методов воздействия (прежде всего психологического, но не в последнюю очередь и физического) мага-следователя и всего общества на свидетеля и тем более подозреваемого. Прежде всего это *клятва* (родственно слову *наклоняться* и напоминает о позе поклона, отсюда же и *проклятие*), *присяга* (родственно украинскому *сягати*, *досягати* и связано с прикосновением к священным или заклтым предметам), *рота* (языческая клятва в Киевской Руси, название которой родственно английскому *word*, немецкому *Wort*, латинскому *verbum* «слово»). Это также и различные виды *ордалий* (жестоких испытаний огнем, расплавленным металлом, водой, которым в разные времена и в различных обществах от Древнего Востока до европейского средневековья могли подвергаться не только подозреваемые, но и свидетели). Испытание предполагаемой ведьмы бросанием в воду в конце «просвещенного» XVIII века описано, например, в юмористической повести известного украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Контотская ведьма». В Западной Европе последнее известное сожжение ведьмы датируют началом XIX века.

Методы воздействия **магического следствия** в архаических обществах ярче всего иллюстрируются этнографическими материалами Африки. Там во многих племенах и ранних государствах следствие, как известно, традиционно вел колдун. Для обнаружения преступника среди подозреваемых он предлагал, например, каждому в темном помещении прикоснуться к священному предмету (предварительно окрашенному меловым порошком или сухой краской, о чем не знали испытуемые). Затем священный предмет «называл» колдуну преступника: невиновные не боялись положить на предмет руку, виновный же не касался святыни (которая осматривалась колдуном после каждого посещения) и не оставлял на ней следа. Известно и происхождение выражения «на воре шапка горит»: согласно древневосточной легенде, жрец, расследовавший кражу, долго выступал перед общиной с речью о морали и вдруг, неожиданно вскочив со своего места, закричал «на воре шапка горит» — и виновный схватился за головной убор. Еще более жестокий метод в архаических обществах (например, на островах Тихого океана) состоял в том, что колдун кормил каждого подозреваемого заколдованной пищей и сообщал, что виновный до вечера умрет. Виновный же или отказывался принимать пищу и признавался, или ел ее и нередко умирал от психологических мучений, вызывавших телесные (соматические) реакции.

Архаические представления о праве и психологии сакрального права сохранились во многих, казалось бы, обыденных словах языка. Например, русское *обязанность*, украинское

обов'язок происходят от глагола *вязать* и первоначально означали, следовательно, некие пути, накладывавшиеся на человека в силу традиций общества или данного слова. Вспомним выражения *брачные узы* (представлявшиеся священными в результате ритуального освящения брака), *узы Гименея*. Сюда же и слова *союз, союзник*, отражающие архаическое побратимство (ценившееся выше брака и кровного родства) и договор племен в результате ритуализованной клятвы их вождей (известные примеры — из этнографии американских индейцев, получившей литературное описание, например, в романах Ф. Купера). Не случайно, согласно одной из распространенных и считающихся серьезными версий, древнее название славян *анты* происходит от монгольского слова *anda* «побратим» и предположительно отражает древние взаимоотношения каких-то соседствующих племен.

Очень объемным является японское обозначение обязанностей *giri*, которое считают одним из важнейших символов «японской души», национального характера. Буквальное значение этого слова состоит из двух компонентов — *gi* «справедливость, правильность», «отношения, узы» и *ri* «смысл, правда, справедливость, принцип, закон». Заметим, что здесь наличествует то же значение «узы», что и в русском слове *обязанность*, — вспомним выражения *связан обещанием, связан словом, связан клятвой*.

Огромное значение в архаических культурах (как, впрочем, и в современных — хотя и в несколько ослабленном виде) имеет ограничение свободы действия человека, получившее полинезийское название *табу*. Чаще всего это слово употребляют в упрощенном значении «запрет», однако этнографы подчеркивают, что у самих полинезийцев оно имеет более широкое значение — нечто священное. Несомненна близость архаического восприятия табу и понятия о законе, порядке, правильности и праве. Табу связаны с магическими силами, священными предметами, личностью вождя. Как известно, и законы, и мораль в традиционном обществе, основанном на мифологическом мировоззрении, существуют в форме религиозных предписаний.

Понятие *табу* соотносится с более широким понятием **предел**, существующим в любой культуре в разных формах и областях (вера, мораль, право и др.). В славянской языковой традиции это, например, *межа* (слово буквально означает «средняя» и родственно, например, латинскому *medium* «посредник»), в романской традиции латинского происхождения — *кордон* от слова *cordo* «веревка». Ритуальное установление пределов жилища, участка земли для отдельной семьи или рода, поселения и т. п. имело в древнем представлении, без преувеличения сказать, чрезвычайно большое значение.

Не меньшую роль играло и понятие **священного направления**. Исследователи индоевропейских древностей (Э. Бенвенист, В. В. Иванов, В. М. Топоров и др.) считают чуть ли не главной функцией индоевропейского священного царя именно определение с помощью ритуала «священных направлений», упорядочивающих пространство подобно тому, как упорядочивал (гармонизировал) его взмахами священного жезла этрусский жрец перед гаданием по полету птиц. Путь человека воспринимался в общем так же, как путь небесного светила. В дальневосточной традиции понятие пути, как известно, еще более объемно, чем в западной. Китайское *dao* — всемирный закон, которому подчиняются даже боги (отсюда корейское и японское *do* в названиях религиозных учений, школ боевых искусств и т. п.). Показательны такие японские термины, как *shinto* — японская традиционная религия «языческого типа» (буквально «путь богов» или «путь духов»), *kodo* — идея теократического японского государства (буквально «императорский путь»), *bushido* — самурайский кодекс чести (буквально «путь воина»).

Таким образом, архаический человек повседневно нуждался как в психологической опоре, позволяющей ощущать стабильность в непознанном и постоянно изменяющемся мире, так и в чудодейственных рычагах управления загадочным внешним миром. Такой опорой и таким рычагом становился, в частности, священный правитель, магически обеспечивавший незыблемость природных законов.

Статья поступила в редакцию 20.10.2007 г.

Об авторах:

МОСЕНКИС Юрий Леонидович — см. с. 12

ЯКИМЕНКО Н. В. — японист, кандидат филологических наук, главный редактор издательства «Альфа друк».